

АЛЕКСАНДР МАРКОВ

1980

Год рождения
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

ТЕТРАДКИ GEFTER.RU

Александр Викторович Марков
1980: год рождения
повседневности
Серия «Тетрадки Gifter.Ru»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6600793

1980: год рождения повседневности: Европа; М.; 2014

ISBN 978-5-9739-0219-3

Аннотация

В книге Александра Маркова 1980 год символизирует возвращение эстетики и поэтики в область политических решений и гражданского опыта. События переломного года холодной войны анализируются сквозь призму вышедшей в том же году книги «Изобретение повседневности» Мишеля де Серто и той уникальной смычки литературной и интеллектуальной жизни, которая произошла в тот период. 1980 год стал годом изобретения современной повседневности, превращающей любое техническое изобретение в «гаджет», а любую экономическую деятельность в «инновацию», а также годом осмысления этой повседневности. Как именно осмысление повседневности форматирует саму политическую жизнь – об этом книга.

Содержание

Введение	5
Глава 1	9
1.1. Холодная война как гаджет	9
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Александр Марков

1980: год рождения

повседневности

© Издательство «Европа», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Введение

Два августиновских града, небесный и земной, с ходом истории обросли множеством пригородов. Эти пригороды нужно было вновь включить в городскую среду. Требовалось создание новых типов агломераций – не подключающих новые объекты к готовым образованиям, а изменяющих сам статус объектов. Необходимо было, чтобы пригород не просто работал как часть города, но стал пригородом как миром новых возможностей для самого города. Нужно было, чтобы элементы, до этого искусственно объединенные задачами промышленных империй, ритмично заработали.

В 1980 году война в Афганистане стала пародией на колониальные войны, Олимпийские игры – мнимым апофеозом холодной войны, а быт, становящийся все более легким и мобильным, стал пародией на мобильность старых военных соединений. 1980 год – водораздел между кризисом старой промышленности в 1970-е годы и безудержным экспериментированием с искусственным интеллектом и персонализацией компьютеров в 1980-е годы. Уже немислимы старые грузные предприятия, но при этом будущее видится еще не как постоянно изменчивое киберпространство, а скорее как тор, воронка, труба, корпус межпланетной станции, вбирающий в себя города, планеты и судьбы. Памятник покорению мира «Атомиум», построенный в Брюсселе на заре космической

эры (1958), в сериалах, фильмах и тогдашних аркадных компьютерных играх превращается в образ космических кораблей далекого будущего.

Но продолжение революции в урбанистике было вызвано не только естественными потребностями в быстром передвижении или экологичности: и культ городской скорости в 1970-е годы, и экологическая озабоченность в 1980-е годы – это только отдельные грани более общего процесса восстановления координат миропонимания после травмы начала холодной войны. Не только реальность вызывает к жизни книги; когда речь идет о том, чтобы город из скопления вещей стал реальностью, именно книги вызывают эту реальность к жизни. «Изобретение повседневности» Мишеля де Серто явилось для нас именно такой книгой, не менее важной для «изобретения» современности, чем коллаидер частиц или трехмерная графика: в этой книге состоялся переход от травматического противостояния сторон всемирного конфликта к игре с повседневностью, определяемой заданными в книгах и инструкциях правилами. И деятельность де Серто, и его книга рассматриваются не как подспорье в понимании современности, но как не менее созидаящая современность вещь, чем торговля, реклама или высокие технологии. Более того, если названные явления обустроивают периферию жизни, то книга, оказавшись в центре идейных вопрошаний, может неожиданно создать ее ядро.

Рискнем сказать, что именно в 1980 году была создана

та повседневность, в которой мы живем. С одной стороны, в этом году началась неумолимая «конверсия», постановка всех технологий, всех способов добычи информации на службу быта – так возникало информационное, медийное общество «мирного воспроизводства» самих форм существования, без их военной регламентации. Но, с другой стороны, если все ставится на службу человеку, то человек оказывается внутри медийной магии вещей; и то, что мы не стали киборгами, а остались людьми – это сделал скромный французский иезуит своей книгой, которую немного кто читал, но которая стала конституцией новой федерации града небесного и града земного.

В этой книге мы решаем два вопроса: каким образом опыт повседневности из опыта «ближайшего контекста» превращается в опыт новой социальной регламентации и каким образом взгляд де Серто на повседневность, будучи взглядом профессионала, противопоставленным взгляду обывателя, при этом расширяет опыт именно обывателя. Почему де Серто использует не традиционную академическую аргументацию, а работает с опытом индивидуального и коллективного воображения? Почему он не изучает культурные процессы, а реализует культурные процессы в самих парадоксах своего мышления и каким образом эти вдруг зависшие перед всеми нами парадоксы становятся экзистенциальной частью нашей жизни? Чтобы ответить на эти вопросы, мы отказались от обычной монографической аргументации,

опирающейся на цитаты и факты, и стали исследовать сами механизмы научного воображения – как именно де Серто, подойдя к этим механизмам как стратег, а не как тактик, изменил сам метод взаимодействия с действительностью в том числе и «среднего человека», а не только стоящего над средними людьми интеллектуала.

Глава 1

Год последнего перелома

1.1. Холодная война как гаджет

Холодная война была одновременно искушением для публичной политики и ее падением. Соблазн, уничтожающий соблазнителя и соблазненного, стоял за, казалось бы, прагматическими расчетами сторон конфликта. Мир мог быть уничтожен ядерным взрывом, но гораздо страшнее, что мир уже гиб от того безволия, которым сопровождаем неудавшийся соблазн. Поэтому мы и говорим о «гаджете»: когда публичная политика сводится к манипуляциям, то результат этой публичной политики, государственная форма, воспринимается уже не как поле новых решений, а как безотказно работающий на обслуживание бытовых нужд механизм. Именно тогда и возникает «повседневность» не только как научная проблема бытовых решений, но и как экзистенциальное содержание текущей политики.

1980-й был годом предельного сужения области публичной политики. Общественные события во Франции и в других странах Европы определяла затяжная война партий, забастовочное движение влияло не на политику государства,

а на политику партий, бюрократизация росла подспудно и неуклонно, а философы изо всех сил пытались побеждать в интеллектуальных боях с современностью. Во многих странах европейского ареала правительство начинает наступление на свободный рынок: например, в Великобритании принимается «Закон о компаниях», объявляющий уголовным преступлением владение акциями через подставных лиц. По другую сторону Ла-Манша административным преступлением начинает считаться организация забастовки без предварительного тайного голосования профсоюзов – таким образом, профсоюз превращается из инстанции открытой политики в союз людей, вступающих в сговор. После этого в Британии нормой становится забастовка «по правилам»: работники не бросают производство, но до идиотизма точно выполняют инструкции – это единственный способ сохранить свободу действий, когда любое социальное поведение и понимается, и отчасти реорганизуется сверху как заговорщицкое.

В США в этом году появляются первые трещины на фасаде сверхдержавы. Крупные концерны начинают беднеть: «Дженерал Моторе», который прежде был незыблемым примером промышленного могущества и успеха американской модели труда и производства, по результатам года терпит большие убытки.

При этом Европа скорее переживает успех в развитии крупной и стратегической промышленности: президент

Франции Жискар Д'Эстен заявляет о скором возможном создании нейтронной бомбы. Причем это заявление свидетельствовало не о решении реальных оборонных задач, а скорее о попытке нейтрализации бюрократии на всех уровнях: чиновники фактически лишались возможности влиять на среднесрочные и долгосрочные решения, поскольку президент единолично мог потребовать мобилизовать все промышленные и финансовые ресурсы на ядерную программу. Таким образом, за, казалось бы, плакатным заявлением времен холодной войны стояла реформа, по силе сопоставимая с отменой дворянских титулов во время революции.

Во Франции в этом же году проводится самая неблагоприятная университетская реформа. Правительство, в стремлении сократить бюджет, вводит лимит на количество и виды изучаемых одним студентом дисциплин. Хотя эта реформа и рассматривалась властью исключительно как бюджетная, связанная с голым денежным оборотом, на самом деле она представляла собой откровенное попрание принципа университетской автономии. Профессора, за редкими исключениями, не протестовали против этой реформы, ожидая скорой реорганизации кафедр и расширения своих прав – здесь правительству удалось ничтожными средствами расколоть академическое сообщество, не допустив объединения профессоров со студентами.

Общий дух спускаемого сверху разобщения проявился и в сфере создания действительных или мнимых политических

автономий. В 1980 году в Европе были сделаны определенные уступки сепаратизму: так, в Квебеке проходит референдум о независимости, о чем раньше могли только мечтать, а в Испании страна басков получает статус постоянной автономии. Причем «автономность» означает нечто большее, чем самостоятельное решение некоторых вопросов, – это означает, что чиновничество должно быть баскским или хотя бы знать язык местного населения. Сведение автономного существования к выучиванию языка, хотя бы на минимально приемлемом уровне, позднее стало общим местом во всей Европе, вплоть до требования прибалтийских государств в 1990-е годы, распространяемого на всех граждан, то есть на людей, просто потенциально способных стать чиновниками или полицейскими, знать язык своей страны. Символическая логика сепаратизма окончательно одерживает верх над его реальной логикой, сводящейся к отгораживанию от наиболее прямых воздействий центральной власти. Речь уже не идет об изобретении национального языка – теперь требуется всего лишь сдать несложный языковой экзамен, никак не влияющий на идентичность людей, живущих на этой территории. Но именно с решением по баскскому и сходным вопросам кончилась эпоха, когда европейские нации подозревали друг друга в коллаборационизме, в желании сдать свои интересы более влиятельным силам. Теперь эти подозрения остались в прошлом. Неслучайно в этом же году, в апреле, Испания открыла границу с Гибралтаром, закрытую в 1969

году, тем самым подтвердив, что не боится даже самого интенсивного сотрудничества с недавним стратегическим противником.

В Восточной Европе зарождалась публичная политика, олицетворяемая новыми общественными силами. Именно в этом году польское рабочее движение добивается первых побед: в декабре в Гданьске открывается памятник рабочим, погибшим во время подавления забастовки 1970 года, — немыслимое для восточного блока признание права слабого не только на защиту, но и на славу. Но в том же году в Чехословакии был арестован оксфордский профессор Энтони Кенни. В отличие от Деррида, который накануне ареста спецслужбами ЧССР успел провести целый подпольный семинар, Кенни выступал всего минут сорок, когда в дом неожиданно ворвались вооруженные стражи порядка. Арест был нужен не для того, чтобы судить иностранца (хотя незадолго до этого Деррида провел почти месяц в чешской тюрьме), а чтобы не давать ему въездной визы как лицу, официально заинтересовавшему органы правопорядка.

Таким образом, социалистическое государство обращало свое беззаконие в способ окончательной легитимации своего суверенитета: государство решает публично, кому давать визы, а кому нет, и выступает, таким образом, как монарх, открыто заявляющий свою волю. Другое дело, что сувереном такое государство могло быть, только время от времени усиливая градус внутреннего беззакония. Можно назвать еще

один столь же показательный пример жульнической самолегитимации позднего социализма: признание Иллинойским университетом научных заслуг Елены Чаушеску, супруги румынского премьер-министра, ставшей в том же 1980 году его заместителем. Мировое научное сообщество было уверено в неподлинности трудов по химии полимеров малообразованной Е. Чаушеску, но тем не менее Иллинойский университет, который она сама потом назвала «еврейским» и «грязным», счел ее достойной почетного звания.

В то время как страны восточного блока выигрывали от незаконной легитимации собственного суверенитета (в качестве виртуального монарха, способного милостиво даровать визы и сурово вводить полувоенное положение, или в качестве, как мы видим, ученой матери нации), СССР в этом отношении только проигрывал: бойкот московских Олимпийских игр (впрочем, во Франции Олимпийский комитет не хотел поддерживать бойкот и уступил только под политическим давлением) – лучшее тому подтверждение. СССР был вынужден полностью признать правила Международного олимпийского комитета, по которым команды бойкотирующих стран выступали только под флагом МОК (исключением стала социалистическая Румыния, выступавшая под своим флагом), и таким образом, при всем доброжелательном отношении к СССР, многие страны не могли признать полного суверенитета за СССР в отношении покровительства спорту.

Ослабление позиций одного из протагонистов холодной войны сдерживалось внутренними неурядицами в Северной и в Западной Европе. Таков был срыв дрейфа к социализму в Скандинавии: плохие экономические показатели в Швеции, как результат многочисленных забастовок, заставили правительство усилить программы кредитования, а значит, усилить торговлю, в том числе со странами восточного блока. Эти события очень важны – в ситуации внутренних неурядиц послевоенный опыт фронтального противостояния советскому блоку оказался никуда не годен. Отношения с СССР и со странами Центральной Европы нужно было выстраивать заново, как бы с нуля, меняя свою внутреннюю политику и обнаруживая большой ресурс внешнеполитического сотрудничества и положительного торгового баланса.

Франция также была увлечена этим поветрием в новейшей политике и подписала договор с ГДР об экономическом и техническом сотрудничестве. Францию мало интересовало усиление СССР в других точках земного шара, но она не хотела идти в фарватере политики США, политики тотального сдерживания советских амбиций, и договор с ГДР ознаменовал окончательный отказ от ее претензий на ведущую роль в мировых делах. Таким образом, во французской политике в очередной раз побеждает идея открытого торгового государства, которое получает политические дивиденды от сотрудничества с более замкнутым германским торговым

государством. Эта новая стратегия позволила расширить ассортимент товаров и услуг и при этом ослабить влияние банков на состояние промышленности.

При этом СССР упускает один за другим все шансы продемонстрировать «преимущества» социалистической системы (по совпадению в этом же году умирает последний советский реформатор А. Н. Косыгин) и самое большое, на что хватает его ресурсов, – глушение западных радиостанций, возобновившееся после августовских забастовок на Гданьской судовой верфи. Тем временем в самой Польше в октябре 1980 года была зарегистрирована общественная организация «Солидарность», которая сразу же стала не только таможенным альянсом, но и политической силой: именно ультиматум Европейского экономического сообщества предотвратил усиление советского военного присутствия в Польше. Мы видим, что эта политическая сила не имеет манипулятивных намерений: она не манипулирует разными политическими группами влияния, а работает в режиме «да или нет». Позиция ЕЭС усилилась еще больше после того, как Великобритания не справилась с иранской проблемой и сотрудники посольства вынуждены были бежать. Прочие подробности внутренней жизни Британии, вроде приватизации железных дорог, окрасили ее положение дополнительными печальными оттенками.

Одновременно с фильмом «Стена» группы Пинк Флойд в 1980 году выходит книга Делёза и Гваттари «Тысяча пла-

то». Это выдающееся произведение оказалось почти незамеченным критикой, но оно было симптоматично именно для своего времени. В книге Делёза и Гваттари исследуется новый тип войны, войны варварской: воюющие стороны не сражаются ни за какие идеалы; напротив, они увлечены своим собственным зверством и своей собственной дикостью. Но главное открытие Делёза и Гваттари состояло в фиксации перемещения передовой мирового развития из области возвышенных идей и мыслей в область торжества самых диких инстинктов. Нельзя не увидеть в артистических размышлениях двух философов параллель с только что описанным нами состоянием Евросоюза: если раньше, помимо таможенных оснований объединения, был еще обмен передовыми разработками, то теперь объединение происходит уже преимущественно на политико-бюрократических основаниях.

В науке совершается окончательная переориентация с масштабных проблем энергетики и машиностроения на биологические и медицинские проблемы. Это говорит о том, что энергетика стала частью политики и явлением национальной экономики, а не передовой научного изобретательства. Не случайно в этом же году в США выходит «Энциклопедия американской экономической истории», которая подвела черту в споре между институционалистами и либералами о степени возможного регулирования энергетического рынка. Отныне то, какие именно энергоресурсы будут разрабатываться, определяет макроэкономическая ситуация, а во-

все не отчеты лабораторий. Зато в биологии и медицине в 1980 году происходят поворотные события: успешно пересаживаются гены от одной мыши к другой, у мыши успешно приживается крысиная инсулиновая железа. Де Серто видел в подобных научных микрореволюциях новое достижение цивилизации – вместо переноса из биологической области в область технологическую, как это было прежде (самолет по образцу птицы), здесь происходит обмен биологическими технологиями между самими организмами, которые начинают теперь сами адаптировать к своему существованию всю полноту накопленного природой опыта.

В США консервативная мысль сходитя с религиозной мыслью, развивается религиозное радио и телевидение. Консервативная мысль присваивает себе и искусство XX века: так, в каталоге выставки Пикассо в Музее современного искусства в Нью-Йорке авторы писали о «метафоричности» творчества этого художника. Вместо того чтобы признать в нем революционера формы, в нем видят углубленного, едва ли не мистического художника. Конечно, этот контрреволюционный консерватизм был явлением временным и недолгосрочным.

В этом же году был убит Джон Леннон. Это преступление поразило всех не только своим фактом, но и тем, что уже очень давно, со времен Средневековья, убийство не было так тесно переплетено с доверием: незадолго до выстрела будущий убийца брал у Леннона автограф и, казалось, улы-

бался кумиру вместе с тысячей поклонников. Это убийство было символически вероломным, и оно доказало невозможность дружбы между кумиром и поклонниками. Звезда не может запросто зайти в кафе со своим обожателем; звезда может быть либо за забором из охранников, либо за столь же плотным забором из релизов альбома.

В этом же 1980 году выходит первый культурологический детектив – «Имя розы» Умберто Эко. До этого европейская литература знала только один пример представления культурологических теорий в художественной форме – «Собор Парижской Богоматери» Виктора Гюго, в котором выдающемуся романтику для иллюстрации простого тезиса о смене визуальной культуры идеологизированной текстовой пришлось уделить основное внимание миру маргиналов: церковных служек, цыган, поэтов. Умберто Эко уже не нуждался в том, чтобы маргинализировать героев первого и второго плана: напротив, он написал роман об интеллектуальной элите того времени, незаметно обойдя культуру безмолвствующего большинства. Его Средневековье – это элитная школа, в которой философские вопросы обсуждаются после того, как все прочие загадки жизни решены или кажутся решенными.

Ватикан реабилитирует Галилея: на самом деле это была отмена вердикта 1633 года. Теперь Галилей не просто признан невиновным, но и само выдвижение ему обвинений признано не имевшим никаких оснований. Чтобы оценить это решение, нужно учесть, сколь сильны были в Италии тра-

диции «государственной необходимости», подчинявшей себе в том числе и приоритетные разработки в области космологии. С тех времен, когда ренессансные принципы присвоили себе само время (не нужно напоминать, что как с августиновской, так и с томистской точки зрения употребление времени не во благо – тяжкий грех) и украсили свои дворцы космологической символикой, вся космология стала существовать как придаток к аллегорическим толкованиям. Если космос стал просто магистралью, соединяющей священные и профанные тексты, Библию и панегирик правителю, отменить решение, нелепое даже для многих современников Галилея, было весьма трудно. Тем более Галилей был обвинен в неумении толковать Писание, то есть в том, что он хуже астрологов, которые свое проклятое искусство еще как-то могут согласовать с Писанием. Но Италия была очень слаба: последний раз она имела влияние на европейские дела в начале 1950-х годов благодаря союзу с Францией и созданию франко-итальянского таможенного союза, одного из прообразов ЕЭС, а в 1970-е годы была истерзана взрывами «красных бригад». Но здесь, отменив целую политическую традицию присвоения интерпретаций политического, сменившую ренессансное присвоение политических мифологий, Италия заявила о том, что и к ее голосу Европа должна прислушиваться.

В год выхода главной книги де Серто умерли Альфред Хичкок и Генри Миллер. Генри Миллер, биографически тес-

но связанный с французской «повседневностью», оказывается поразительно близок де Серто в понимании ее сущности: и прежде всего в том, что для него повседневность не была ограничена географическими рамками. Путь к ней – это не ориентация среди вещей, а подчинение себя своему внутреннему ритму, ритму своего здоровья или своего либи-до (памятная сцена велосипедной прогулки в фильме «Генри и Джун», посвященном истории создания «Тропика Рака»). И как раз де Серто, который никогда бы не согласился с нигилизмом Генри Миллера, вполне совпадал с писателем в таком резком разведении повседневности и географии.

Для кинематографа этот год был поразительно бедным: популярные в США «Братья блюз» не имели резонанса в Европе, в отличие от фильма Уолтера Хилла «Перекресток» (1986). Во Франции на экраны выходит абсурдистский мультфильм «Король и птица», снятый по мотивам произведений Андерсена в переработке Жака Превера как попытка заимствования техники японского аниме. Единственное однозначное достижение мирового кинематографа – «Сияние» Стэнли Кубрика, триллер, в котором обосновывалось понимание определенного пространства (в данном случае отеля) как места столкновения виртуальных реальностей. Не случайно некоторые не вошедшие в фильм кадры позднее были обыграны в блокбастере «Бегущий по лезвию».

В 1980 году создается «интелпост» – международная телефонная линия повышенной пропускной способности,

предназначенная для передачи факсов, по сути дела, предшественник широкополосной связи. Но важнее то, что именно с 1980 года начинается производство бытовых микроустройств: это следующий, после изобретения транзисторного приемника, этап на пути к превращению устройств для передачи сигнала в часть человеческого тела. В 1982 году началось массовое производство компакт-дисков, хотя сама технология была разработана на несколько лет раньше, а в 1984 году вышел на прилавки компьютер-моноблок Macintosh. В этом небольшом устройстве, стоявшем как подержанный автомобиль, уже был использован известный всем нам принцип «иконки» и «окон».

И в том же году компания Sony создает уокмен – устройство, фирменное название которого стало нарицательным для обозначения переносного нагрудного или карманного плеера. Уокмен был оснащен функцией записи, то есть он был задуман как некоторый аналог фотоаппарата, но только если фотоаппарат требовал большой обслуживающей индустрии в виде фотолабораторий, наборов объективов и т. д., то для уокмена не требовалось ничего, кроме сменных касет. На практике, конечно, уокмен стал просто компактным проигрывателем, который позволял своему владельцу чувствовать себя знатоком музыки.

Такая «культура в кармане» – это не только плееры и карманные издания книг. Во Франции в 1980 году телевидение вновь отвоевывает радиоаудиторию, облегчая и укорачивая

«форматы», а на смену прежней бетонной архитектуре даже в провинции приходит стеклобетонная. В быту утверждает-ся мода на прозрачные вещи. Апофеозом такого присвоения культуры как чего-то общедоступного, зрелищного, ставше-го прозрачным и присваиваемым стала провокационная кол-лекция Жана-Поля Готье, показанная в 1981 году и во мно-гом определившая «стиль 80-х».

В 1980 году умирают два патриарха общественно значи-мой мысли – Эрих Фромм и Жан-Поль Сартр, которых объ-единяло стремление к публичности. Они действительно мог-ли влиять на мировые дела. Но их критика успешно атакова-ла только старый тоталитаризм, исходивший из подготовки к войне, из манипулирования массами ради мобилизации. Они оба считали нужным разоблачать намерения, но до са-мого конца своей жизни не учитывали, что войны после де-колонизации возникают не в результате намерений, а в ре-зультате политической игры, в которую вовлечены в том чис-ле спецслужбы. Если раньше спецслужбы устраивали прово-кации и задачей авторитетного писателя было разоблачение провокаторского поведения (как это было в деле Дрейфуса), то теперь и в Африке, и на Ближнем Востоке, и в других точ-ках земного шара страны сами провоцируют друг друга, а спецслужбы наблюдают за ними как за лабораторными кры-сами, с помощью которых они могут создать новые лекарства и открыть новые рецепты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.